

Глава IX

ЗАМЕТЫ СЕРДЦА

Муфтий Салимгарей Тебкелеб. – Губернатор Николай Крыжановский и реформирование Духовного собрания. – Открытие русско-татарских и русско-башкирских школ. – Проповедь-хутба и приобщение к общегосударственным ценностям. – Строительство мечетей и мусульманская благотворительность. – Мухаметсалим Уметбаев. – «Русское мусульманство» Ислама Гаспринского. – Вансовский Божий полк.

1.

Николай I, умирая, скорбел, что сдает наследнику команду не в должном порядке. Империя сотрясена крымскими поражениями, растет крестьянское недовольство.

Александр II объявляет о готовящейся отмене крепостного права. Число газет и журналов становится втрое больше, слог сочинителей – живее. Издано специальное распоряжение о введении цензуры только на события с конца царствования Петра I. «Государь император высочайше повелеть соизволил: дабы не стеснить отечественную историю в ее развитии, периодом, до которого не должны доходить подобные известия, принять конец царствования Петра Великого. После сего времени воспрещать оглашение сведений, могущих быть поводом к распространению неблагоприятных мнений о скончавшихся августейших лицах царствующего дома». О Петре, прапрапрадеде царствующего монарха, можно говорить почти все. Но поберегись задеть отца, дедов или прабабок...

Некоторые из биографов Александра II считали, что он не отличался передовыми взглядами, не был прирожденным реформатором, не особенно заботили его и судьбы крестьянства, но, осознав безотлагательность преобразований, он явил себя подлинным государственным деятелем. Решиться на преобразования его побудило стремление вернуть России утрачиваемое величие. Под вопрос было поставлено положение России как великой державы, – парижский мир, лишивший страну флота на Черном море, означал падение престижа империи, столь высокого в начале века. Репутность Александра была вынужденной.

Возможно, всходы дали семена, брошенные в душу наследника его воспитателем, поэтом В.А. Жуковским, которые в другой обстановке могли бы и не

взойти. Но в горькие годы, когда уграта отца совинала с национальным позором, Александр II, казалось, внял призыву поэта на высоком троне оставаться человеком, опущающим связь с другими людьми, творить добро, пресекать зло...

С 1862 года, после смерти Габдельвахита Сулейманова, должность муфтия оставалась вакантной. В Петербург, в адрес Александра II, в адрес правительства шли прошения от мусульманских общин с просьбой назначить муфтия самым скорейшим образом.

Кто станет главой мусульманского духовенства, председателем Духовного собрания? Кто сможет иметь нравственное влияние на единоверцев? Правительство придает личности муфтия особое значение, кандидатура на эту должность подбирается очень тщательно.

Нужно заметить, если выбор кандидатов в первые российские муфтии происходил при решающей роли местной администрации в лице губернской власти, а одним из главных критериев выбора являлась возможность муфтия влиять на события в Степном крае, Хиве и Бухаре, то теперь поиском претендентов, помимо местных властей, занимается столичное руководство в лице Департамента духовных дел иностранных исповеданий, а главным достоинством кандидата становится не столько религиозные знания, сколько опыт государственной службы.

В правительстве неоднократно обсуждаются возможные кандидаты и общим становится мнение, что мусульманское духовенство России не имеет какого-либо опасного политического направления, которое бы требовало особой бдительности в избрании высших духовных лиц, как, например, в отношении к духовенству римско-католическому, а потому правительство решает не менять порядок выборов муфтия, а лишь вводит временные прави-

ла. Обосновывая такое решение, автор доклада в Комитет министров П.А. Валуев указывал, что «для правительства легче устраниить неблагоприятный результат выбора муфтия посредством сохранения за собой, на основании существующего закона, права не утверждать кандидата, не соответствующего видам правительства, и отдать предпочтение тому из избранных самими магометанами кандидатов, который представится наиболее достойным, чем принять на себя через это всю нравственную ответственность. При участии общества в избрании муфтия нравственная ответственность за неудачный выбор падет на само общество, и магометане не вправе будут относить к произвольному распоряжению правительства все дурные последствия сделанной ошибки».

После долгих совещаний решено представить на эту должность дворянина, русского офицера Салимгаря Тевкелева, который, не принадлежа к числу мусульманского духовенства, как правоверный мусульманин совершил паломничество в Мекку и Медину.

Пытаясь реконструировать путь сложной души, мы решаемся на гипотезу.

2.

*Ночь Аль-Кадра. Сошлись, слились вершины,
И выше к небесам взодвиглись их чалмы.
Пел муэдзин. Еще алеют льдины,
Но из теснин, с долин уж дышит холод тьмы.
Ночь Аль-Кадра. По темным горным склонам
Еще спускаются, слоятся облака.
Пел муэдзин. Перед великим Троном
Уже течет, дымясь, Алмазная река.*

Иван Бунин, «Ночь Аль-Кадр»

...Парк старинной усадьбы Тевкелевых на окраине села Килим имеет две террасы: нижнюю, в пойме реки, и верхнюю, возвышающуюся над поймой метров на пятиадцать. С высокой террасы открывается вид на пруд и мельницу. Среди деревьев устроены беседки, павильоны, необычные резные столбы, поддерживающие фонари. Сейчас все они зажжены.

По аллеям неспешной походкой идет хозяин, Салимгарей Тевкелев. Сегодняшний вечер - не как все. Наступает ночь аль-Кадра. Мистическая ночь.

Лейлят аль-Кадр или ночь аль-Кадра, упоминаемая в Коране, - ночь двадцать седьмого числа меся-

ца рамадан. Этой ночью начато было ниспослание Мухаммаду Корана. Кадр, по-арабски, - могущество, судьба, один из столпов веры - предопределение Аллахом всех событий в мире и всех человеческих поступков. В эту ночь ежегодно Аллах принимает решения о судьбах всех и каждого, учитывая праведность и желания, высказанные в молитве. Ночь Лейлят аль-Кадр предстояло провести в мечети, читая Коран и вознося Аллаху и ангелам свои мольбы и заветные просьбы.

Здесь, в селе Килим, первые поселения появились еще в XV веке, а в середине XVIII века левобережье реки Чермасан, включая деревню Килим, было подарено императрицей Екатериной Великой генерал-майору российской армии Алексею Ивановичу Тевкелеву, русскому дворянину из татар. Уже потомками Алексея Тевкелева в Килиме обустроена была усадьба с многочисленными постройками, в центре ее возведено огромное двухэтажное здание из кирпича с шестигранными колоннами, которые придавали постройке особую стройность.

Дворец размещался в глубине верхнего парка. На крыше был устроен бельведер, в котором стояла зрительная труба. Деревья в парке подстригались так, чтобы хозяин мог обозревать все окрестные поля и посредством трубы наблюдать, кто и как работает. В субботу каждой недели он созывал крестьян, и угождал кого пачкой чая, а кого приказывала угостить розгами.

Неподалеку от дворца среди фруктовых деревьев виднеется минарет. Здесь мечеть рода Тевкелевых.

Военным выверенным шагом идет по аллеям верхнего сада Салимгарей Тевкелев. Во внутреннем для него мире солнце почти уже зашло: завершилось поглощение будущим настоящего. Внешний мир еще полон был дневного мельтешения, но внутренний мир становился все стройней.

Сосны стояли совсем черные, и только их заострившиеся верхушки слегка светились газовым пламенем. От речки шел овинный дух - словно, засыпая, она глубоко вздохнула. Туман быстро поднимался с поймы. Другого берега уже не видно. Полумесяц скользит по небу легко.

...Низко, над самой водой, над желтеющим речным тростником, над только что склоненной молодой травой на берегу речки Идянь кружили белые, чуть больше моли, бабочки. Ветер в потухающем небе начинал рассказывать одно и, недорассказав, переходил к другому, потом, оборвав на середине, начинал во-

обиже неизвестно о чем. С высокой сосны тяжело, неохотно слетел сарыч. Среди яблонь снежной метелью кружат белые бабочки. И в душе случилось так, что замела метель, закружились неспокойные мысли, и ни одну из них не поймаешь.

Кто он? Вояка. Отставной гвардии ротмистр. Князь, поменщик, уездный предводитель дворянства Тевкелев. О фортификации, о военной тактике знаний и практики куда больше, чем о нормах шариата. Видит Бог, на высокую должность муфтия он не стремился, полагая, что спрос и ответственность высоки, а его знания и опыт недостаточны.

Была в этом деле еще одна сторона, так сказать, семейная. За знаменитым его предком, крепленым татарином Алексеем-Кутлумухаметом Тевкелевым среди башкир края закрепилась негласная, но позорная репутация палача.

Огонь восстаний в крае он тушил кровью или другим огнем. Командой Алексея Тевкелева был сожжен вместе с жителями аул Сеянтусы и другие аулы. Даже для тех жестоких времен это выходило за рамки принятого, и чем бы позже не отличились потомки екатерининского генерала Тевкелева на ратной или государственной службе, сколько бы достойных людей не давал России богатый и могущественный род, в памяти, в преданиях фамилия эта отождествлялась с пепелищем Сеянтусы, с муками скигаемых заживо.

«Тэфкеляу». Командир команды карателей. Проклятый мурза.

3.

Приехав в Уфу на новую должность и поселившись рядом с соборной мечетью, муфтий Салимгарей Тевкелев увидел, что его резиденция находится в окружении трущоб и пригонов. Труниловской слободой, а по просту Труниловкой, называлось обширное пространство на спуске уфимских холмов в сторону реки Белой между Случевской горой и Архиерейской слободой.

Вся эта часть города была застроена беспорядочно: дома то теснились, налезая друг на друга, то, наоборот, расступались, образуя обширные пустыри, а склон в сторону реки, начинавшийся сразу за мечетью, был утыкан, словно ласточками гнездами, домишками и лачугами, где контила свет городской рабочей бедноты, мелкие ремесленники и nocturnal народ всех мастей, от самой мелкоты - попрошайек,

Муфтий Салимгарей Тевкелев

воришек, фальшивых калек и подлинных сибиряков, до шулеров, мастеров «накладки», финского ножа, отмычки, кастета и кистеня, которые жили здесь, в большинстве своем, либо по липовым паспортам, либо по ворованным документам.

В любую погоду бегали по Труниловке полуголые шелудивые дети, рваные тощие собаки и огромные жирные крысы. Словно на ярмарке над слободой разноцветными флагами неизвестных стран развевались одежда и бельишко, вывешенные для просушки на солнце, мыльные помои потоками текли по склону в сторону реки, вымывая извилистые русла, выискивая низинки и образуя в них стоячие зеленые озерца. Песнями, руганью, грохотом железа и трескотней молотков с утра пространство слободы наполняли местные кузнецы, жестяники и сапожники, а ближе к вечеру во дворах появлялись заспанные проститутки, которые делали свой туалет - умывались, причесывались и накрашивались, готовясь к работе. Следом за ними исчезали в городских сумерках местные щипачи и шулера. С наступлением ночи кое-где в темных закоулках мелькали фигуры, это подводились дневные итоги - точно рассчитанный глухой удар, заглушенный крик, падение тела, чьи-то тени, метнувшиеся в стороны. Посторонний человек, попавший в Труниловку в эти часы, мог уйти из нее только голым, а мог и совсем не уйти - не так уж и редко обглоданные рыбой трупы находили ниже по течению.

Литератор Мухаметсалим Уметбаев, которого муфтий Тевкелев пригласил работать переводчиком в Духовном собрании, вспоминал, что если в те годы кто-нибудь из благонадежных сельских мусульман проходил по улицам Труниловки, и это становилось известно его односельчанам, то над ним долго потом насмехались, дразня его «Труниловкой». Прямо

за оградой мечети жила уфимская голытьба. Часть комнат в соседнем доходном доме снимали грузчики с Оренбургской пристани и бурлаки, поднимавшие барки в верховья Белой и Уфимки.

Из дома, куда вселился муфтий, Труниловка была хорошо видна, она напоминала ему более всего цыганский табор. Тевкелеву вскоре надоели шум и крики, и он обратился к городским властям с требованием изгнать оттуда бродяг, конокрадов и содержателей домов терпимости. Но как это сделать, на каком основании?

С печалью глядя на трущобы, нависшие над рекой, слушая по почам бессвязные пьяные песни и крики, Тевкелев принял решение – раз выселить жителей соседних домов по закону не удается, скупить дома вокруг мечети, заселить их благонадежными гражданами или построить на их месте новые здания для нужд муфтиата.

В это самое время муфтием был куплен и впоследствии сломан дом Галляма, стоявший чуть ниже мечети. Еще несколько домов вокруг муфтий Тевкелев купил только для того, чтобы развратные их обитатели не мешали молитвенному настроению. Весной, в половодье, по привычке приходили сюда бурлаки и бродяги, но не видя старых хозяев, расходились в разные стороны. Так, постепенно, опустела знаменитая прежде развратом и безбожием Труниловская слобода...

Эти первые шаги муфтия были продолжены строительством богоугодных заведений. Именно с именем Салимгарея Тевкелева связано возникновение в Уфе первых благотворительных мусульманских учреждений. Обсуждая дела благотворительности, члены муфтиата пришли к мысли о необходимости устройства в Уфе приюта для бедных магометанских сирот. От муфтия Тевкелева поступило тогда же конкретное предложение – вместе со своими братьями он пожертвовал для этого заведения принадлежавшее им дворовое место с двумя флигелями и надворными постройками по улице Бельской, 3, не подалеку от соборной мечети.

Под началом муфтия учреждена была комиссия для руководства работами, а через несколько месяцев в одном из флигелей строящегося дома устроен был временный приют для мальчиков из бедных сельских семей, посланных на учебу в уфимские училища. Чуть позже попечительский совет начал сбор средств на устройство постоянного приюта. Собрано

было 1200 рублей, а все строительные материалы для постройки дома куплены на личные средства муфтия Тевкелева.

Эти инициативы муфтиата с радостью поддержало уфимское земство, приняв решение о том, чтобы выплачивать воспитанникам этого приюта денежные пособия. В результате ученики ремесленного и первого приходского училища получили средства на покупку учебных пособий и экипировку. Тогда же состоятельными купцами прихода Первой соборной мечети открыт был благотворительный фонд для сбора средств на содержание приюта и помощи незимущим.

Биографическая справка

Муфтий Салимгарей Тевкелеб

1805 Рождение Салимгарея Шагареевича Тевкелеба (полное имя Салимгарай ибн Шахингарай ибн Юсуф ибн Котлыг-Мухаммад ибн Тебкил ибн Мамаш ибн Даулат-Мухаммад ибн Ураз-Мухаммад ибн Ундан ибн Шигайхан ибн Жадикхан ибн Джанихан ибн Коорчыкхан ибн Ырысхан аль-Чингиз ибн Юлбарде ибн Тенгребирде ибн Тебкил ибн Сабайлай ибн Туксабай). По мнению И. Марджани, род Тевкелевых ведет происхождение от Чингисидов. Родословная Салимгарея Тевкелеба (по И. Марджани) такова: Уруг хан – Коорчык хан – Барак хан – Джани хан – Джидик хан – Шигай хан – Ундан – Уразмухамет хан – Давлетмухамет хан – Мамаш – Тевкел – Кутлумухамет – Юсуф – Шагарей – Салимгарей. Представители рода Тевкелевых в православной среде использовали русские имена, а среди мусульман – татарские.

1826-1833 С. Тевкелеб служит штаб-ротмистром Павлоградского гусарского полка.

1828-1829 С. Тевкелеб принимает участие в русско-турецкой войне.

1830-1831 Принимает участие в подавлении восстания в Польше. Военные заслуги штаб-ротмистра отмечены орденами Святой Анны 2-ой, 3-ей и 4-ой степеней, польским орденом и медалями. После увольнения из армии занимался помещичьим хозяйством.

1845-1851 С. Тебкелев – предводитель оборянства Бугульминского уезда Оренбургской губернии.

1865 Высочайший указ от 28 апреля о назначении С. Тебкелева мuftилем, председателем Духовного собрания. 13 июня того же года С. Тебкелев приступил к исполнению обязанностей.

1862-1870 На средства С. Тебкелева жителями д. Уракбаш Оренбургского уезда строится новое здание мечети.

1870 - начало 1880-х гг. Муфтий С. Тебкелев является директором и членом ряда губернских попечительских комитетов, занимается благотворительностью – бросит денежные пожертвования, при этом 2 тысячи десятин земли переданы им как вакуф (добровольное пожертвование) основанным в Уфе мусульманскому приюту и богадельне.

С. Тебкелев за усердную службу награждается правительственные орденами, в том числе орденами Святой Анны 1-ой степени, Святого Станислава 1-ой степени и Святого Владимира 1-ой степени.

1876 Муфтием С. Тебкелевым в начале года учреждена комиссия по строительству в г. Уфе приюта для мальчиков из бедных сельских семей, которых решено обучать в уфимских училищах, начато строительство, а к концу года открыт временный приют.

1885, 2 января Смерть С. Тебкелева в г. Уфе. Похоронен на территории 1-й соборной мечети г. Уфы.

До назначения нового муфтия обязанности председателя Духовного собрания исполнял казый Мухаммади хазрат Салихов.

4.

Тот, у кого нет учителя,
получает в наставники сатану.

Баязид Бистами

Муфтий Салимгарей Текелев стал председателем Духовного собрания в тот момент, когда вопрос о взаимоотношениях властей с мусульманским духо-

венством в правительстве активнейше обсуждался. Поводом для того послужил всеподданнейший отчет оренбургского генерал-губернатора Николая Андреевича Крыжановского, который, охарактеризовав общее состояние ислама в Оренбургском крае, обратил внимание на важность и значение этого вопроса для всей восточной политики России.

Более подробно Крыжановский изложил свои идеи в дополнительном рапорте, направленном в правительство, указав, что мусульманское духовенство, представляя собой замкнутое сословие и оказывая влияние на умы мусульманского населения, препятствует его приобщению к Российскому государству, а любые правительственные начинания в крае расцениваются мусульманским духовенством как попытки обращения в христианство и поэтому бойкотируются. Вопросы реформирования мусульманского духовенства в этот период тщательно изучены историком Д. Азаматовым.

В целях сближения мусульманского населения с Россией, по мнению генерал-губернатора, важно немедленно реформировать духовенство с тем, чтобы дальнейшие мероприятия исходили уже частично от реформированного духовенства, а частично от правительства. Такое реформирование Крыжановский предлагал начать с того, чтобы ввести в состав Духовного собрания представителя от правительства для контроля за постановлениями муфтиата, а его членов назначать из лиц, хорошо знающих русскую грамоту и российские законы.

Деловую переписку и метрические книги Крыжановский предложил перевести на русский язык, как государственный, а совещательный порядок рассмотрения дел заменить на административный способ принятия решений. Духовных лиц на должность он предлагал не выбирать, а назначать с определением для всех духовных лиц точного оклада от казны. Генерал-губернатор предложил также запретить башкирским и татарским муллам обучать жителей Степного края, а из числа казахов выделить наиболее способных с тем, чтобы в степи складывалось собственное духовное сословие, независимое от уфимского муфтиата.

Под докладу Крыжановского последовала резолюция Александра II – «вопрос необходимо разработать более глубоко».

Два министра внутренних дел, П.А. Валуев и А.Е. Тимашев высказали по поводу предложений генерал-губернатора свои мнения.

По мнению первого, требовать от мулл гимназического образования было бы абсурдно, так как на деле это оставит мечети и приходы без верослужителей. Как пример тайного духовенства, неподконтрольного властям, Валуев привел тайных антиправительственно настроенных раввинов, которые появились в результате применения подобных мер в отношении еврейского населения.

Тимашев, разделяя мнение генерал-губернатора Крыжановского о том, что задача реформ «ослабить противодействие консервативного духовенства по отношению к цивилизации», считал, что действия эти должны исходить только от самого предварительно реформированного Духовного собрания, требования же ввести чиновников в состав муфтиата и использовать русский язык в делопроизводстве и ведении метрических книг, по его мнению, могло быть понято мусульманским населением как стеснение в вере, а, значит, от них необходимо отказаться.

Предложения Крыжановского обсуждались и властями юга России. Новороссийским и бессарабским генерал-губернаторам высказано было мнение о необходимости, в первую очередь, распространения образования в среде мусульман в духе сближения их с русским и другими народами России...

Новым в правительственные кругах России в это время стало появление в политическом лексиконе словосочетания – «мусульманский вопрос». Это само по себе означало признание, что мусульманские подданные в империи не только наличествуют, но и то, что их судьба беспокоит. Признаки того, что волнения могут возникнуть на национально-религиозной почве, появились в Поволжье, прежде всего в Казанской губернии. В правительенных документах замелькало новое, неизвестное доселе словосочетание «татаро-мусульманский сепаратизм».

Петербург в этих условиях решил делать ставку на сближение русских и татар, на усиление контроля за деятельностью духовенства в округе уфимского муфтиата. В рамках программы «просвещения инородцев» правительство активно вводит обучение русскому языку. Особую роль в этом начинает играть Духовное собрание. Муфтий Тевкелев в своих устных и письменных выступлениях постоянно убеждает единоверцев в необходимости изучения русского языка, но встречает яростное сопротивление мусульманского духовенства. Тогда правительство решает поставить одним из условий для замещения духов-

ной должности в округе Духовного собрания муфтиата знание русского языка. Это положение правительство планирует впоследствии распространить и на другие мусульманские области.

Особенное внимание правительство теперь уделяет учебным заведениям мусульман. Генерал-губернатор Крыжановский, стремясь усилить контроль за мусульманскими школами, заявляет, что новые школы нужно открывать только лишь с губернаторского разрешения, а наблюдение за ними необходимо поручить мировым посредникам.

Однако правительство избирает иной путь, его политика по отношению к учебным заведениям выражается в том, что принимаются так называемые «меры к образованию населяющих Россию инородцев», среди которых предусматривается создание государственных национальных школ и открытие приемственных школ и медресе русских классов. Регистрация новых школ, согласно этим принципам, позволяет только при наличии учителей русского языка, а надзор за «инородческими» школами возлагается на инспекторов народных училищ. Для желающих занять духовные и светские должности устанавливается образовательный ценз в объеме учебного курса русских училищ или русско-башкирских и русско-татарских школ.

Все эти меры правительства натолкнулись на сопротивление мусульманского духовенства, выступившего против открытия русско-башкирских и русско-татарских школ.

Тогда муфтий Салимгарей Тевкелев обращается с фетвой ко всем ахунам и имамам. Он пишет о выгоде всякого знания, а тем более, русского языка, который необходим для всех мусульман и призывает ахунов разъяснить мусульманам пользу, которую они получают от изучения государственного языка. «Как ты попросишь хлеба у русского, если не знаешь по-русски? – обращается муфтий к единоверцам. – Как ты попросишь милости, как будешь защищаться в суде, как попросишь снисхожденья во взыскании, внимания к селу, к делу, к земле своей, к податям и повинностям, ежели не знаешь языка, на котором совершаются суд, решающий участь человека, управления края, на котором пишутся указания, правила к твоему благосостоянию, довольству, облегчению?»

Среди духовенства фетва Тевкелева вызвала противоречивые чувства. Так, имамы города Троицка написали ему письмо, где просили выпустить специ-

Свидетельство, выданное городскому муле об успешном обладении им русским языком. 1897 г.

альный указ, чтобы детей мусульман не принуждали к обязательному обучению русскому языку. Уточняя свою позицию, муфтий отвечает: «Это мое духовное наставление не заключает в себе ничего обязательного для прихожан, как только разъясняет пользу знания русской грамоты, которая не может служить препятствием к изучению татарской грамоты и догматов религии, что составляет первейшую обязанность для мусульман».

Как было поставлено обучение в медресе в те годы? Очень обстоятельно и ярко рассказал об этом будущий муфтий Ризаэтдин Фахретдинов. Начинал он учиться 1867 году в медресе города Чистополя, а продолжил обучение в старометодном медресе деревни Нижние Шемчелы. Обратимся к его воспоминаниям.

...Первой прочитанной им книгой стала «Фазаилен-шохур» в переплете из серой холстины, наклеенной на картон, без первой страницы, с листами, прожженными лучиной так, что некоторые слова нельзя было разобрать. Позднее долгие месяцы и годы Ризаэтдин проводил в медресе за перепиской книг, названия которых запомнил на всю жизнь: «Бидан» переписал три экземпляра, «Шархе Габдулла» - три, «Кавагыйд» и «Гавамил» - по одному, «Мансур ханиясе», «Хаяли ханиясе», «Садыйк», «Тагълимель-мутагаллим тарикат-тагаллим», «Мукаддимаи Жазария», комментарии Халида аль-Азгари к «Мукаддимаи Жазария», «Раджузатес-Суюти», «Гайнель-гыйлем», «Мухтасарель-викая» - все по одному экземпляру.

Порой из-за плохой бумаги или испорченных чернил книгу приходилось переписывать и второй, и третий раз. Он не помнил, чтобы кто-то хотя бы раз за все годы его учебы в медресе показал ему, как правильно писать, или исправил хотя бы одну его букву. О многих ошибках он вспоминал потом со стыдом.

Со временем все больше крепло намерение выучить русский язык. Шли годы, Ризаэтдину исполнилось уже двадцать лет, но он не мог написать на конверте даже собственный адрес. Однако отец сказал: «Боюсь, что это испортит тебя». Риза не пошел против его воли, но, вспоминая об этом позднее, говорил: «Если человек не знает официальный язык своего государства, то его нельзя считать полноценным человеком».

Вторая попытка - выучить русский язык самостоятельно - также закончилась неудачей. Шакирды медресе донесли о проступке наставнику. Тот вызвал Ризу и отчитал: «Никто из нас не знает русского, но ведь живем. Не забивай голову ненужными мечтами». Дочь Фахретдинова Асма Шараф вспоминала слова своего отца: «Если бы я в юности выучил русский язык, мог бы прочитать много книг, намного раньше постиг бы многие науки. Я ведь уже тогда понимал необходимость русского языка. Поэтому всех своих детей я отдал в русскую школу, всегда писал о необходимости обучения детей русскому языку».

Русский язык Ризаэтдин Фахретдинов выучил позже, уже став казыем Духовного собрания, знал его хуже, чем фарси, арабский и турецкий, но мог читать необходимую научную и историческую литературу, мог объясняться по-русски с окружающими.

* * *

При муфтии Тевкелеве в крае открылось несколько женских мусульманских школ с обучением русскому языку, арифметике, огородничеству и садоводству. Как пишет историк Д. Азаматов, чтобы не вызвать у населения недовольства нововведениями, местная администрация привлекла к агитации в пользу женских школ авторитетных служителей ислаха, в их числе стерлитамакского ахуна К. Шарифдинова, стерлибашевского ахуна Х. Нигматуллина и сейткуловского имама Х. Нигматуллина. В штаг башкирских и татарских женских школ непременно включают мулл, преподающие богословие.

В училищах и гимназиях имамы, преподающие основы религии, пользуются огромным влиянием на учеников. Для усиления контроля над учебным и воспитательным процессом Министерство народного просвещения требует, чтобы «преподавание закона божьего магометанского вероучения производимо было по книгам на татарском языке, но все объяснения на уроках должны быть на русском языке». Согласно этому распоряжению, к примеру, директор училищ Уфимской губернии предложил муфтию уволить из Уфимской гимназии и училища преподавателя, не знающего русский язык, и назначить вместо него другого, который знал его хорошо.

Особое внимание Духовного собрания обращено на Уфимскую татарскую учительскую школу, открытую в 1872 году с целью подготовки учительских кадров. Курс обучения в ней продолжается четыре года и включает, кроме мусульманского вероучения, русский язык, чистописание, арифметику, историю, географию, дидактику, основы педагогики и прикладные ремесла. В 1875 году Духовное собрание выступило против ее перевода в Оренбург и выразило готовность приобрести для нее специальное здание.

Попечитель Оренбургского учебного округа А. Лавровский, инспектировавший эту школу, пришел к выводу, что «...прискорбно и тяжело видеть, как будто с расчетом все в учительской школе организовалось с преимущественной целью поднять и развить магометанский дух и по возможности придавить неизбежную требовательность русского». По словам попечителя, школа стала «любимым детищем магометанства», там преподается

ислам, а выпускники в основном пополняют ряды духовных служителей. Лавровский считал необходимым переименовать школу в башкирскую, так как большинство обучающихся в ней составляли именно башкиры. В 1889 году после нескольких неудачных попыток изменить преподавание в школе, она была закрыта.

По-прежнему важным оставался вопрос о создании при Духовном собрании специального религиозного учебного заведения.

В 1873 году уфимский муфтият рассматривал проект открытия четырехлетней мусульманской школы, подготовленный инспектором татарских, башкирских и киргизских школ А. Радловым. В ней должны были изучать татарский, арабский и русский языки, арифметику, Коран и мусульманское богословие. Финансируировать школу Радлов планировал за счет части брачной суммы и пожертвований прихожан. Заведовать школой должен был инспектор татарских, башкирских и киргизских школ, муфтию же отводилась роль почетного попечителя и председательствующего в совете школы.

Свидетельство, выданное сельскому мулле об успешном обладении им русским языком. 1911 г.

Из-за несогласий с уставом школы этот проект после долгого обсуждения был, в конце концов, заморожен Духовным собранием до лучших времен.

Историческая справка

1863 В Уфе построено здание магометанского Духовного собрания.

Из-за дальности расстояния от Санкт-Петербурга до Уфы Духовное собрание в виде исключения делегирует свои полномочия по испытанию кандидатов на должности духовных лиц в здании основания шариата петербургской комиссии в составе старшего военного ахуна и других мула Санкт-Петербурга и Кронштадта.

1865-1930 Духовное собрание размещается в специально построенном для него двухэтажном каменном здании в г. Уфе (ныне ул. Тукаева, 50).

1867 Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский в своем представлении в правительство предлагает «в целях сближения мусульман с Россией» проект реформирования Духовного собрания и системы управления мусульманским духовенством.

1869 В проекте реформирования мусульманского духовенства кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич среди целей, которые, по его мнению, должно преследовать правительство в предстоящей реформе духовных учреждений, указывает: «препятствовать вторжению из Турции и Персии чужеземных духовных лиц». Одним из условий для занятия духовной должности на территории России должно стать русское подданство.

1870 В Оренбургском крае для реформирования мусульманских духовных учреждений создается комитет с участием губернаторов Уфимской, Оренбургской, Уральской и Тургайской областей под председательством генерал-губернатора. Обсуждение вопросов выявило большой разброс в точках зрения. Отсутствие единства во мнениях вынудило правительство признать невозможным выработку общих на-

чал и не принимать общие меры, так как « всякая общая реформа может вызвать у магометанского населения опасения в посягательстве на их религию».

1870 Впервые постановлением Совета министров народного просвещения от 2 февраля урегулировано преподавание в начальных училищах России основы ислама. Дети мусульман теперь освобождались от уроков «Закона Божия», а также, с целью облегчения обучения, в сельских и городских начальных училищах – от чтения по церквио-славянским книгам, а в уездных училищах – от изучения церквио-славянского языка.

1871 В Уставе гимназий и прогимназий впервые заявлено о преподавании в качестве учебного предмета основ ислама – «Закона Божия и/orического вероисповедания». Претворение данного права в жизнь во внутренних губерниях России происходит в 1888 г. в мужской гимназии Уфы.

1871 На должность инспектора по татарским, башкирским и киргизским школам Казанского учебного округа назначен выдающийся тюрколог В.В. Радлов. Он предлагал ввести в медресе округа Духовного собрания изучение русского языка, арифметики, началь алгебры и других наук и создать в Казани учительскую семинарию для подготовки учителей по светским предметам и русскому языку. Таким образом, представителем власти был поставлен вопрос не о замене мусульманской школы русской, а о дополнении ее программы общеобразовательными предметами и государственным языком. Такая постановка вопроса разделялась всеми мусульманскими реформаторами.

1872-1876 Деятельность в г. Уфе первой татаро-башкирской учительской школы. В 1876 г. переведена в г. Оренбург, в 1889 г. закрыта.

1872 Создание Закавказского магометанского Духовного правления.

1878 В г. Уфе открыт приют для малчиков и богадельня для престарелых мужчин из числа мусульман.

5.

К двери Баязida подошел человек и позвал его.

- Кого ты ищешь? - спросил Баязид.

- Баязida, - ответил тот.

- Бедняга, - сказал Баязид.

- Я ищу Баязida вот уже тридцать лет, но не могу найти и следа его.

Баязид Бистами

...Высокий крепкий мужчина в длинном пальто и широкополой шляпе поднимается вверх по улице Воскресенской в распахнутое пространство Ушаковского сада. Он работает переводчиком муфтията, сочиняет стихи и рассказы. Он собирает архивные материалы и уже начал писать историю Духовного собрания. В этом деле он первый.

Его зовут Мухаметсалим. Скоро о нем будут говорить как о большом ученом. Заслуживает внимания не только он, но и вся семья Уметбаевых.

Его отец, Ишмухамет Уметбаев, четверть века занимал должность кантонального начальника в Уфимском и Златоустовском уездах. Это был истинно имперский человек, слуга Отечества. Начинал он учиться в медресе, изучал мусульманское право, но из четырех братьев именно его, семнадцатилетнего юношу, неожиданно забрали из медресе на армейскую службу.

Через несколько лет он вернулся домой уже в чине вахмистра. Оказалось, что во время смотра казачьего полка командающий войском генерал Циалковский заметил его командирские способности. В то время Ишмухамет Уметбаев исполнял обязанности начальника отряда, поскольку не было более опытного офицера. За отменное выполнение долга он, урядник, наряду с офицерами по воле Циалковского был внесен в список кандидатов на должность кантонального начальника.

Более всех голосов набрал именно он, тогда же и был произведен в офицеры. Участвовал в русских походах на Западе и на Востоке, а когда башкиры Златоустовского уезда вместе с горнозаводскими крестьянами взбунтовались, препятствуя строительству общественных хлебных магазинов, успокаивал их, прибегая к знаниям шариата. Когда же уфимский губернатор Барановский прибыл с отрядом на Архангельский завод Стерлитамакского уезда для усми-

рения крестьян, глава кантона Уметбаев незамедлительно предложил свое посредничество, и крестьяне, давно его знавшие, послушались и приняли предложенные им условия. С того времени Ишмухамет стал другом губернатора Барановского.

В молодые годы Уметбаев любил участвовать в джийинах, в состязании борцов, позже - посылая на джийины своих лошадей, которые нередко выходили победителями, а порой победителями на скачках становились сразу несколько его лошадей. Зимой с охотниками выезжал за волками, медведями и зайцами, а по возвращении устраивал пиры. В конце лета, в августе и сентябре, почти каждый день, а часто и дважды на дню, устраивалась им соколиная охота, а раз в неделю показательная соколиная охота для гостей.

Два раза в месяц непременно приезжали к нему с семьями почти все его губернские начальники: командающий войском и попечитель, муфтий с членами Духовного собрания, правители канцелярий, командиры отрядов и стряпчие.

Уметбаев держал у себя несколько десятков сокольников - охотников, приставленных к ловчим птицам для ухода за ними, и некоторых из них часто посыпал в Оренбург на кочевку генерал-губернатора Перовского. Молодых соколов Ишмухамет всегда выбирал сам, на целый месяц выезжая для их покупки в горы. Знал места, где были лучшие гнезда: Манишка, Кзыл-таш, Куяшты, Нараши и Туба. Самых исполнительных и любимых слуг своих называл он Манишкой.

Граф Перовский, много раз участвовавший в соколиной охоте, и предложил Уметбаеву поехать с ловчими птицами на церемонию коронации Александра II, но, поскольку Ишмухамет к тому времени уже не мог похвастаться здоровьем, он переноручил эту миссию своему сыну, кантональному начальнику Фахретдину. Тот устроил в Москве показательную охоту с беркутами и ястребами и исполнил это столь блестательно, что получил в подарок перстень с бриллиантами и изумрудом. Другой сын Ишмухамета Уметбаева, Сулейман, присутствовал на короновании Александра как волостной старшина и был награжден серебряной и бронзовой медалями...

Вернемся, однако, к среднему сыну, Мухаметсалиму, переводчику с восточных языков при Оренбургском магометанском духовном собрании.

Львенок, молодой лев, львом еще не является. В нем только задатки льва, а что будет дальше - можно

лишь только догадываться. В то же время маленький лев все равно лев. Потому что рычит, как лев, и ходит, как лев. Потому что у него все повадки – львиные.

Начальное образование Мухаметсалим получил в медресе, затем – в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, изучая военное дело, математику, географию, историю, архитектуру, основы живописи и каллиграфии. Прекрасно знал русский язык, прилично – персидский и несколько тюркских.

Во время торжеств по случаю возведения на престол императорских величеств Александра Александровича и Марии Федоровны, Мухаметсалим был в Москве, исполняя обязанности помощника уфимского муфтия. Там ему выпало счастье написать в альбоме для государя-императора молитву на арабском языке с переводом на русский. Альбом был поднесен императору. Из сотен рукописей, собранных для альбома мусульманскими учеными-улемами к торжествам по случаю коронования, выбрана была именно рукопись Мухаметсалима, за что тот в память о высочайших торжествах был награжден медалью.

Позже, работая в Уфе переводчиком, писарем мирового посредника, он был избран старшиной Кармаскалинской волости, затем преподавал русский язык и математику в стерлитамакском медресе. Поступив на службу в Духовное собрание переводчиком, он продолжал заниматься литературным трудом и писать краеведческие статьи. Первым он стал собирать материалы для составления истории муфтията.

* * *

Тякушка... Тякушка... Лавиною двигались письма, циркуляры, предписания, прошения, жалобы. Позабыв о горячем чае, безнадежно уже киснувшем, закатав рукава не фигурально, а истинно, цепким ястребиным глазком пробегая по буквам и строчкам, он просматривал корреспонденцию. И тут – еще письмо.

Губернский курьер в кафтане с золотыми пуговицами вручил ему толстый конверт, раскрыл книжечку, поставил галочку, поднес: «Вот здесь. Благодарствую».

Тут же отнес письмо муфтию. Вскоре вызвали его самого. То был вызов в Петербург, в министерство иностранных дел. Давно уже намечавшийся. Вызывали его, Мухаметсалима Уметбаева.

Предписание дано было от имени Чингизханхазрета, генерал-майора, начальника Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Это его дед, знаменитый Абулхаир, хан Младшей Орды, принял русское подданство и склонил к этому всех остальных казахских султанов и старшин.

В письме указывалось, что предстоит ревизия Таврического муфтията, что необходим переводчик с арабского, персидского и тюрк для работы в Симферополе, выполняющий также обязанности секретаря председателя комиссии. На эту должность решено назначить Мухаметсалима Уметбаева в соответствии с лестными рекомендациями муфтия Тевкелева.

Как добирались из Уфы до Санкт-Петербурга в те годы?

Башкиры на полуденной молитве. Деревня Мулдахаево Оренбургской губернии. Фото 1890-х гг.

Строительство Самаро-Оренбургской железной дороги к тому времени было уже закончено. Дорога из Уфы ведет через Стерлитамак в Оренбург, оттуда на поезде в Самару, Москву и, далее, в столицу империи – более полутора тысяч верст.

Уметбаев в своем дневнике свел длинную дорогу к нескольким строчкам: «Путешествие началось с прибытия 12 января 1887 года в Стерлитамак, где я посетил хазрета Камалетдина, затем в Оренбург, где посетил генерала Бикчурина, затем в Москву; далее прибыл в столицу Петербург».

6.

Дорога, если перевернуть, получается «а город».

Дождь превратил Петербург в город летучих мышей.

По вокзальной площади плыла толпа – хмурые, озабоченные лица, быстрые ускользающие глаза. Извозчик, важный, толстый, в лаковом полуцилиндре, усмотрев в нем провинциала, заломил втрое, а тот и не пикнул. И покатили, и покатили...

Бесшумно расплескивали мягкие шины воду и грязь. Широкая улица втягивала пролетку в глубь кварталов. Вдалеке сквозь туман просвечивал длинный позолоченный шпиль, в котором по журнальным линогравюрам узнавалась Адмиралтейская игла.

На мостовой люди толкались, обгоняя друг друга, цепляясь зонтиками, спеша. На перекрестке Садовой экипажи выстроились друг против друга в две ширенги: через Невский от Гостиного двора шла колонна солдат: подошва – булыжник, подошва – булыжник, в такт барабану и пронзительной флейте.

Еще через два квартала – похоронная процессия, длинная вереница экипажей с белой головкой катала фалка. Движутся медленно. Лошади в белых бахахах с дырками для глаз спят на ходу. Факельщики в черных цилиндрах кидают в грязь пихтовые ветки. На такие зрелища в провинции сбежалось бы полгорода, здесь же люди шли мимо процессии, как будто и не замечая.

Не видно детей на улицах, не орут разносчики, продающие квас. Куда-то мчатся черные кареты, закрытые коляски и пролетки, куда-то торопятся все.

Только у Адмиралтейства извозчик свернул вправо, и сразу же оказалось – то не простой извозчик, а любитель быстрой езды, лихач. Мелькнула площадь с

Мухаметсалым Уметбаев, национальный просветитель, переводчик Духоборского собрания и первый его историк. Фото конца XIX в.

каменным столбом посреди, дворец с черными статуями на крыше, и уже выехали на Неву.

Мокрый туман, пополам с дымом, пахнул сигарой. На Сенатской площади вылетел из тумана памятник Петру, грозя растоптать копытами. С высоты Николаевского моста открылась панорама гавани, где, вместо моря, застыла плоская грязная муть. Плавали посреди нее, перекриваясь хриплыми гудками, ржавые селедки пароходов, дрожали палубы, стучали машины, трещали лебедки, скрипели краны.

Ход пролетки сделался прерывистым. Это кучер, сообразуясь с движением, то осаживал, то отпускал лошадей. Подъезжали, наконец, к Министерству иностранных дел, месту назначения.

* * *

На третий день была назначена аудиенция.

Как отлично он выспался! Какая в душе праздничность! Как бьется сердце, как пульсирует кровь! Стеклянно-ясное утро. Значит, сказочным будет день.

Генерала Чингизханова ему довелось видеть в Москве четыре года назад, на коронации императора

ра. Он записал тогда в дневнике, что среди азиатских одежд особенной яркостью выделялись именно наряды казахских начальников.

Все здесь было красного дерева: широкий штофный диван в приемной, конторка, гардероб, огромный стол в генеральском кабинете. Серебряный двуглавый орел на крышке чернильницы готов был взлететь к потолку и удерживался только лишь собственным молчаливым смирением.

Габидулла-султан стоя приветствует посетителя. Рукопожатие обеими руками, как принято у восточных людей.

Низколобое, каменное, безобразно-морщинистое лицо, а взгляд из под насупленных бровей неожиданно быстрый и легкий. Маленькие глаза не страшные, а по-звериному зоркие.

«Долго подбирали кандидатуру. Остановились на вас, уважаемый. Владеете языками, образованы, дворянского рода. Рекомендации уважаемого муфтия представлены и они впечатляют...»

Всегда, со школьной скамьи и до самой смерти Уметбаев конфузился начальства. Глупость, инфантилизм, осознаешь себя зайцем, тошно, противно, но не избавиться, хоть умри. Теперь вдруг почувствовал непонятно откуда взявшееся спокойствие. Его поразила не проницательность султана (о сколько он слышал о нем совсем противоположного, темного), а неожиданное его добродушие, в котором он уверился и не раз еще потом убеждался.

Аудиенция длилась лишь четверть часа. Все, вроде бы, вопросы обговорили. Теперь он поступал в распоряжение Габидуллы-султана. На три-четыре месяца, максимум - на полгода. Так было сказано.

(Отвлечемся чуть-чуть. Это для коллекционеров исторических фактов. Вскоре судьба занесет в Петербург к Габидулле Чингизханову народного поэта Акмуллу. Поэт будет просить о помощи и получит ее. Габидулла-султан напишет письмо Александру II. Этим Акмулла будет спасен от тюрьмы и арестантской команды. Своему спасителю Акмулла посвятит стихи...)

Продолжались встречи в министерствах и ведомствах. Рекомендации муфтия Салимгарея Тевкелева способствовали новым знакомствам. Ближе всего Уметбаев сопшелся с Гатаулой Баязитовым.

Сын сельского муллы, от шакирда медресе он поднялся до петербургского ахуна, работал в Министерстве иностранных дел переводчиком, был автором многих книг, печатал в русских журналах статьи

об исламе. Знаток восточной философии, слыл блестящим оратором, любил диспуты на религиозные темы. От него Уметбаев узнал подробности о планах строительства в Петербурге соборной мечети. Об этих планах в Духовном собрании говорили который уж год...

7.

...Что делаем мы с самого начала?

Мы возводим поперечные и продольные стены, раскраивая, тем самым пространство. Ограничиваляем его снизу полом, а сверху потолком.

Врезаем окна и двери, чтобы граница была преодолима. Украшаем снаружи и изнутри.

Это мы делаем, прежде чем войти в храм. В церковь, в костел, в мечеть.

Центральное место мечети - кафедра, минбар, трибуна, с которой имамы обращаются к совести и здравому смыслу своих прихожан. На религиозных собраниях и после них происходит обмен мнениями по вопросам и не связанным с духовными делами - политическим, нравственным, бытовым и медицинским.

Так повелось в мечетях еще со времен первых муфтиев - давать разъяснения прихожанам по поводу мероприятий правительства во время борьбы с эпидемиями чумы и холеры. С минбара приходские духовные лица зачитывают предписания администрации, доказывая изречениями из Корана правомерность непопулярных, но вынужденных мер. В мечетях разъяснят и ту пользу, которую правоверные получают от прививок, и ту, которая следует от соблюдения норм санитарии и правил гигиены.

Так же как и православные церкви, мечети давно уже стали местом, где население знакомится с постановлениями правительства, администрации, органов земского и городского самоуправления. Имам оглашает эти официальные сообщения на родном для прихожан языке, дает необходимые разъяснения. При входе в мечеть установлены ящики для пожертвований на нужды местной мечети, мектеба или медресе. Нередко в мечетях производятся сборы средств на сооружение мечетей в соседних селениях.

Именно мечети во второй половине XIX века стали для мусульман России местом, где они приоб-

шлются к обицегосударственным интересам и ценностям. Так же как в христианских церквях, в мечетях проводится сбор средств в пользу пострадавших от неурожая, для семей солдат действующей армии или в помощь раненым защитникам Отечества.

На внешний облик мечетей, минаретов и медресе правительства Петра, Екатерины, Павла и Александра не обращали никакого внимания. Каменные соборные мечети возводились на деньги богатых мусульманских купцов и предпринимателей по проектам русских архитекторов, сообразуясь с назначением здания, обицами веяниями эпохи и отпущенными на строительство средствами.

С 1829 года все вопросы гражданского строительства в России стали четко регламентироваться, все храмы, включая мечети, возводились по «образцовым чертежам». Проекты-образцы, переосмыслившие местными архитекторами применительно к заказу и к конкретной местности, положили начало архитектуре мусульманских культовых зданий. Утверждение этих проектов, в зависимости от того, насколько они отличались от «образцовых», производилось специальной строительной комиссией или представлялось на «высочайшее утверждение».

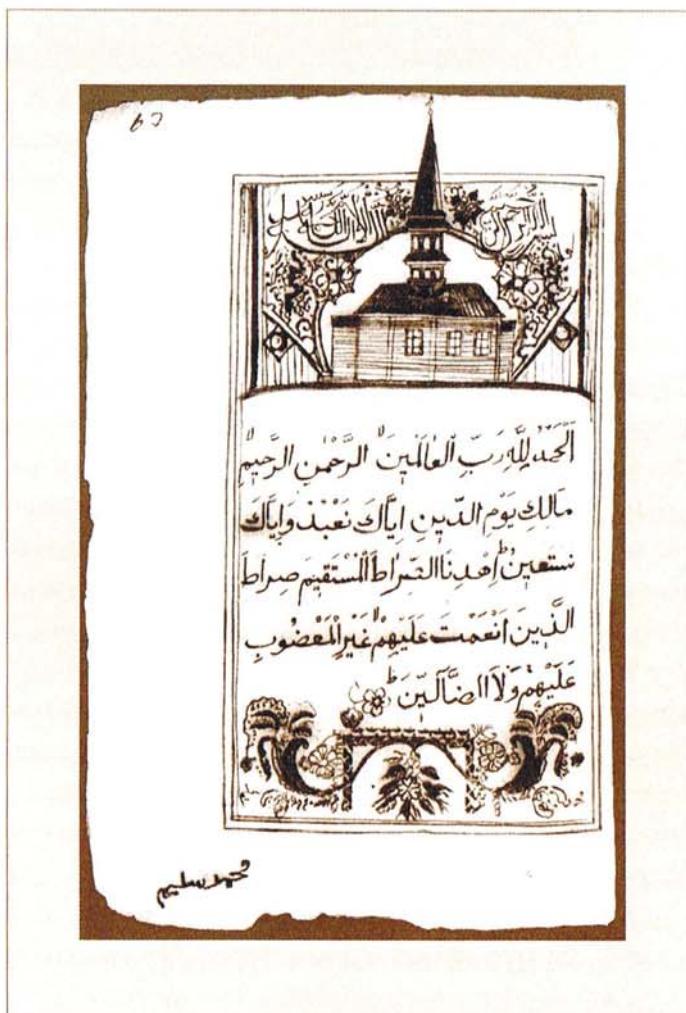
В начале 1860-х годов архитектурные ограничения в гражданском строительстве, введенные ранее, были сняты. Сохраняя право пользоваться «образцовыми проектами», мусульмане получили при строительстве культовых зданий полную свободу действий. Теперь заказчик и исполнитель по своему усмотрению решали все технические вопросы. Возведения храма регламентировалось обычными строительными нормами. Каких-то более четких критерии, по которым необходимо строить мечети, минареты и медресе у духовенства в то время не было вовсе.

Архитекторы ориентировались, с одной стороны, на известные образцы мусульманского зодчества, с другой – на правила, действующие при строительстве православных соборов. Возведение мечетей в городах обычно становилось результатом согласования вопроса с местными властями, губернским правлением или городской думой. Выбиралось, прежде всего, место застройки – центр или окраина, безвозмездное выделение участка или покупка, строительство по типовому проекту или его разработка местными или приезжими архитекторами.

При муфтии Салимгаре Тевкелеве вопрос о строительстве в российской столице большой собор-

ной мечети поставлен с новой остротой. Теперь речь шла об учреждении в Петербурге общероссийской организации по сбору пожертвований – «Комитета по сооружению в Санкт-Петербурге соборной мечети и по сбору пожертвований». Средства предназначались на возведение храма с расположенной в нем школой-мектебом и медресе. Комитет предполагалось создать под попечительством муфтия Салимгарея Тевкелева. Средства организации складывались из членских взносов и добровольных пожертвований, сбор их предполагалось вести на всей территории, подведомственной уфимскому муфтияту.

Еще задолго до появления в 1881 году так называемого «общественного приговора» мусульманской общине Санкт-Петербурга, муфтием Тевкелевым вопрос о строительстве столичной мечети был согласован с директором Департамента духовных дел ино-

Изображение мечети в рукописи начала XIX в. Такого рода рисунки в мусульманских рукописях встречаются редко. Из собрания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук

странных исповеданий А.Н. Мосоловым и дело, как будто, налаживалось. Но весна этого года стала для России временем потрясений. 1 марта террористами «Народной Воли» император Александр II был убит.

Александр III, занявшего российский престол после убийства отца, провел перестановку мест в правительстве. А.Н. Мосолов, знакомый с вопросами строительства мечети, оказался за границей в момент его рассмотрения в Министерстве внутренних дел. Новые сотрудники Департамента духовных дел иностранных исповеданий потребовали от Духовного собрания подтвердить необходимость постройки мечети, а также достаточность средств на его возведение.

Оренбургское магометанское духовное собрание признало острую нужду петербургской общине в соборной мечети не указав, однако, источники средств на ее постройку. Поэтому вновь назначенный министр внутренних дел граф П.Н. Игнатьев счел преждевременным рассматривать вопрос об учреждении комитета, сославшись на отсутствие в общественном приговоре обязательства предоставить средства для содержания мечети и духовенства при ней, что требовалось законодательством, в частности, строительным уставом.

В своем повторном проповеди петербургские мусульмане сообщали о намерении строить мечеть после сбора комитетом достаточных для этого средств. С своей стороны, муфтий Тевкелев в частных письмах просил Департамент духовных дел иностранных исповеданий поддержать начинание. В то же время муфтий писал о нереальности возведения соборной мечети усилиями одних лишь петербургских мусульман и высказался против предложения департамента о передачи дел о строительстве мечети уфимскому муфтияту, считая, что переданное Духовному собранию дело «в ближайшем будущем получит чисто формальное, казенное направление, подаваяя энергию частной предпримчивости в деле, ближайший успех коего... зависит от деятельности частных лиц».

Когда доверенные петербургские мусульмане в третий раз обратились в министерство с докладной запиской об утверждении устава комитета по сбору пожертвований, новый министр граф Д.А. Толстой после обсуждения вопроса с новым директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий князем Сперанским довел до сведения муфтия Тевкелева мнение правительства. Духовному собранию рекомендовалось разрешить сбор средств на постройку мечети

с указанием доверенных лиц от уфимского муфтията, на которых можно было бы возложить сбор пожертвований. Деятельность этих лиц должна была распространяться не на весь округ Духовного собрания, а ограничиваться Санкт-Петербургом и его пригородами, как местом проживания членов общины.

На время дело заглохло. Только в 1883 году Духовное собрание вновь возобновило переписку о сборе средств на строительство столичной мечети. Муфтий Тевкелев предлагал следующее. Духовное собрание готово было выдать полномочия на сбор средств петербургским ахунам Мухаметшакиру Юнусову и Гатаулле Баязитову, и предоставить приходам право контроля за сбором средств.

Муфтий просил также разрешить сбор пожертвований не только в европейской части России и Сибири, а также в других местностях империи. Он предлагал начать постройку соборной мечети немедленно. Гатаулла Баязитов был рекомендован в качестве главного уполномоченного лица. На основании поступавших от него отчетов Духовное собрание должно было ежегодно сообщать Министерству о сборе пожертвований, а также представить смету расходов на постройку мечети.

Наконец сбор средств на строительство столичной мечети начался. Духовное собрание внимательно за ним следило. Так, оно рекомендовало Баязитову перевести собранные средства из частной банковской конторы в отделение Государственного банка, как это практиковалось с внебюджетными средствами Духовного собрания. Благодаря этому в местностях, где имелись отделения Госбанка, сбор пожертвований стал проводиться более упорядоченно.

Но что бы ни предпринимало Духовное собрание, средства собирались крайне медленно. Причин было несколько.

Сама религиозная благотворительность у мусульман России основывалась прежде всего на земляческом принципе или же на личных отношениях. Богатые купцы и промышленники предпочитали строить мечети в своих родных деревнях, там, где духовными лицами служили их близкие родственники.

Меценатами они становились обычно в тех случаях, когда к ним персонально обращались авторитетные духовные лица или сама община-махаля. Такого рода помощь единоверцам укрепляла позиции благотворителя. Он, фактически, превращался в неформального главу мусульманской общины с

правом выдвинуть собственного кандидата на должность муфтия при построенной на его средства мечети. Участие же в сборе средств для столичной мечети превращало его лишь в одного из многочисленных жертвователей, невлиятельных и малозаметных.

Петербургские мусульмане, выступившие с инициативой сбора средств для задуманной ими главной мечети страны, которая выглядела бы достойно среди архитектурных шедевров Санкт-Петербурга, сбить их не могли по причине их небольшого достатка. Кроме того, вокруг благотворительной кампании стали распространяться слухи, которые ставили под сомнение сохранность уже собранных средств. Так, когда на Нижегородской ярмарке предприниматели и купцы из числа мусульман встретились, чтобы обсудить вопрос о помощи в деле строительства мечети, одним из присутствующих была оглашена информация, поставившая под сомнение всю благотворительную акцию, и намеченный сбор средств был сорван, а сама идея скомпрометирована.

С самого начала благотворительной акции к участию в ней призывал со страниц газеты «Тарджеман» Исмаил-бей Гаспринский. В газете постоянно печатались сообщения о том, как идут пожертвования с указанием благотворителей. Зная о неблагоприятных слухах, Гаспринский подчеркивал, что исключительное право изымать средства из Госбанка имеет только Духовное соборание, а, значит, они будут в сохранности.

Заметим, что кроме Гаспринского, единоверцы из Крыма, Закавказья и западных губерний, кроме редких случаев, оставались наблюдателями многолетней благотворительной кампании, которая была продолжена уже при муфтии Мухамедъяре Султанове.

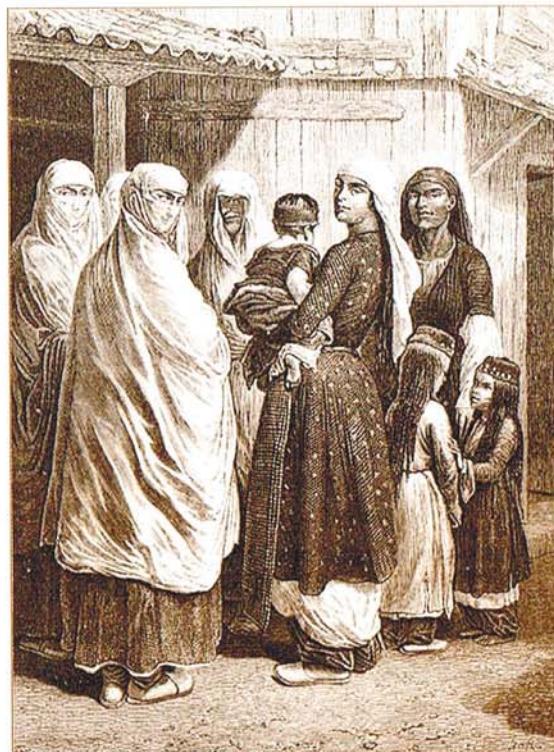
8.

Если ты жаждешь жемчуга,
То должен оставить пустыню
И странствовать у моря,
И даже если ты никогда не найдешь
Мерцающую жемчужину, по крайней мере
Ты достигнешь воды.

Санайи

...Перенесемся на несколько мгновений в Петербург 1887 года.

Наконец-то, после долгой бумажной волокиты, вопросы ревизии Таврического муфтиата были ре-

Женщины-мусульманки с детьми. Гравюра XIX в.

шены. Мухаметсалим Уметбаев, получив прогонные, готовился выехать в Крым. Последние аудиенции вместе с Габидуллою Чингизхановым у графа Сперанского и у князя Кантакузина, последние напутствия перед дальнейшей дорогой.

Петербургская газета «Новое время» сообщает, что в Симферополь, или Ак-мечеть, отбыла Вакуфная комиссия. Газета пишет достаточно откровенно: «Вакуфной комиссии возложена трудная обязанность урегулирования прав духовенства на вакуфы в Крыму, то есть на недвижимую собственность, принадлежащую духовенству магометанского вероисповедования, большая часть которой захвачена частными владельцами. Кроме этого, на комиссию возложена также выработка проекта устройства безземельных крестьян в Крыму».

Трудности в работе комиссии были вызваны попыткой тех, кто был виновен в хищении и присвоении имущества, всячески запутать дело. Документы муфтиата до приезда комиссии были намеренно перепутаны, многие из них исчезли или были заменены подложными. Вместо нескольких месяцев дело растянулось на годы...

Резиденция комиссии располагалась в Симферополе, там же, где вакуфный фонд и архив муфтиата. Уметбаев изучал документы, делал их переводы на русский язык, ревизовал фонды, перепроверял фак-

ты. Виновных по результатам ревизии отдавали под суд. Газета Гаспринского «Тарджеман» возлагала на ревизию большие надежды, считая, что деятельность Таврического муфтията будет упорядочена по образцу Духовного собрания в Уфе, где ни одна из ревизий никаких нарушений не установила.

С Гаспринским Уметбаев встречался несколько раз. Обсуждался широкий круг вопросов взаимоотношений правительства и мусульманства, реформирования мектебов и медресе, изменения взгляда единоверцев на достижения науки и техники.

Исмаил полноват. Густые брови, густые усы, энергичные движения. Носит крымскую тюбетейку. На плечах легкий халат-зилин. Кто-то рисует на него карикатуры, а кто-то уже называет его великим реформатором. Но именно его голос по вопросам отношения мусульманской общины и российской государственности звучит наиболее громко.

- ...Что есть мусульманская община России?! - задает Исмаил Гаспринский вопрос, обращаясь к единоверцам, властям и просвещенным соотечественникам. - Мусульманская община-махала в Зауралье, на Белой, на Каме, на Волге живет похоже. Это как бы миниатюрное государство со своими законами, обычаями, общественными порядками и традициями.

У нее есть власть в лице старшин, есть свое духовенство. Всякий подготовленный мусульманин при согласии общины может быть выдвинут в музэдзины, имамы, ахуны, учителя.

Каждая община имеет свою небольшую мечеть и школу при ней, которые содержатся или общиной, или на завещанные капиталы и имущество-вакуфы. Мусульманское мектебе близко соприкасается с общиной и служит дополнением семейного воспитания, где чуть не с пеленок ребенок подвергается влиянию отца и матери в духе ислама, так что к семи-восьми годам он уже имеет сильную мусульманскую закваску.

Несколько таких общин имеют соборную мечеть, несколько десятков общин - медресе, откуда выходят мусульманские богословы, законоведы, мullahы, ахуны, учителя и вообще ученые люди - улемы. Все эти учреждения работают, нравственно поддерживаемые Кораном, а материально - общиной и ее богатыми членами.

Такая община в десять-двадцать семейств, куда бы ни забросила ее судьба, тотчас группируется во-

Семья городских татар-ремесленников.
фото 1890-х гг.

круг мечети или школы, которые находятся нередко в одном и том же помещении, и примыкает к сфере влияния ближайшего медресе, куда посылают детей, предназначенных для духовного звания.

Такие небольшие мусульманские общины, разбросанные отдельными поселками во многих внутренних губерниях России, несмотря на вековое жительство в массе русских людей, не утрачивают мусульманских черт. Распространение между ними русской речи весьма незначительно, и то между мужским полом. Мусульманки, говорящие по-русски, являются весьма редким исключением.

Иначе - мусульманская община представляет компактную, прочную массу, живущую особой своеобразной жизнью, влиять на которую весьма затруднительно!..

Эти мысли Гаспринский изложил в сочинении, которое он озаглавил «Русское мусульманство», а перед тем, как сдавать его в симферопольскую типографию, сделал приписку - «Мысли, заметки и наблюдения мусульманина». Некоторые из мыслей он развил позднее в работе «Русско-восточное соглашение», которое адресовал всему просвещенному российскому обществу.

Кто-то услышал, кем-то оно было воспринято, но большинство так и не узнало о «наблюдениях мусульманина». Между тем, стоило бы. Он обращался

на русском языке, и, смеем заметить, предполагал, что в числе его адресатов находятся люди, которые размышляют о делах империи и решают ее судьбы.

В ту пору, когда Гаспринский писал свои «наблюдения мусульманина», он уже задумал издание газеты «Тарджеман» – «Переводчик». До первого выпуска оставалось не так уж и много. Но сейчас он хотел быть услышан всеми. Не только мусульманами Поволжья, Урала, Сибири и Крыма, но и русским обществом, русскими интеллигентами, русской властью. И Сенатом, и императором.

– Если, к примеру, направить усилия к ограничению изучения ислама, – продолжал свои мысли Гаспринский, – тогда оно укрылось бы в семью, которая не может быть контролируема. Если затруднить достижение духовного звания, возникнет неофициальное духовенство, еще более влиятельное. Если ограничить постройку мечетей, тогда любая чистая комната, летом любое место смогут заменить ее.

Можно стеснить письменность, книгопечатание. Но мусульманство развивалось и живет исключительно рукописями.

Можно сузить деятельность речи, не теряя, не признавая ее, где только возможно, но это, не ведя к цели, вело бы население к ограничению деятельности и раздражению.

Упомянутые чудовищные мероприятия, если бы они действовали, были бы бессильны, но зато, порождая неприязнь, глухую борьбу, обход законов, вызывали бы безнравственность, усугубляли бы невежество мусульман и мало помалу в борьбе за существование с более просвещенными обществами они неминуемо попали бы к обеднению и вымиранию.

...Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, воуважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы.

Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к чуждому племени, как наши старшие братья, русские. Русский человек и простого, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на своих, не выказывая узкого племенного себялюбия.

Мне приходилось видеть, как арабы и индузы были в неловком положении среди высокообразованного парижского и лондонского общес-

тва, несмотря на всю изысканную деликатность обращения с ними, а может быть, и благодаря ей. Сыны Азии как бы чувствовали в отношениях к себе деланность, натяжку и обидное снисхождение. Это мне доказывали многие арабы, алжирские выходцы, служащие или торгующие во Франции. Этую черту племенной гордости или самомнения я наблюдал и у турок, у которых, за отсутствием европейской галантности, она выступает рельефнее.

Слава Богу, не то приходится видеть у русских. Служащий или образованный мусульманин, принятый в интеллигентном обществе, торговец в среде русского купечества, простой извозчик, официант в кругу простого люда – чувствуют себя одинаково хорошо и привольно, как сами русские, не тяготясь ни своим происхождением, ни отношением русского общества, так что образованные мусульмане, имевшие случай знакомиться с разными европейскими обществами наиболее близко, искренне сходятся с русскими людьми. Это не более, как следствие едва уловимого качества русского национального характера, качества, которое, я уверен, весьма важно для будущности русских и живущих с ними племен!

9.

«...Другую sectu magometanskuyu я знаю в Казани. Секта эта называет себя «Божьим полком», или по имени своего основателя – баисовцами. И та, и другая sectы представляют собою движение вперед магометанства. К освобождению от мертвых внешних форм, которых, надо сказать, в магометанстве, как «новой религии», гораздо меньше, чем во всех других больших религиях».

Лев Толстой

Жизнь одаривает жемчугами нелепостей, ее волны вместе с пеной выбрасывают их на берег. Еще не забылся Оруви со своими проклятиями в адрес муфтия и подчиненного ему духовенства, как появился Баисов со своим Божиим полком.

Чудаки остаются в истории не часто. Они словно вторая линия героев – люди, как бы сознание, одновременно, и свое величие, и свое ничтожество. Со стороны они кажутся безумные. С точки зрения нормы они – само безумие. Но с точки зрения европ-

пейского здравого смысла безумным покажется почти любой суфий. Значит, не все представления о норме действуют, не все истинны. Расскажем об одном из противников муфтия Тевкелева. Он - само отрицание Духовного собрания. Может быть, самое ярос...

Старик в черной косоворотке сидит на больничной койке, поджав ноги. Суфий братства Накибандия. Он считает своим главным врагом Салимгарея Тевкелева. Он объявил войну всем указанным муллам. Ему шестьдесят два года. Крестьянин, из татар, Багаутдин Ваисов, или Вайсов.

Санитар переводит: «Страдал и страдаю здесь за интересы государя императора. Ради государства и державы... А от здешнего начальства не имею никакой помощи, только лишь одни мытарства!»

Напротив - мужчина в белом халате и очках. Задает вопросы. Это ординатор Казанской окружной лечебницы Михаил Маевский. Он наблюдает пациента с момента поступления в лечебницу. Он считает, что перед ним сумасшедший, хотя два доктора, осмотрев старика, заявили, что он чудит в традиционном для религиозных мистиков духе, что он просто такой необычный, престранный человек.

Чуть поподробней. Вот история болезни. Багаутдин Ваисов из Свияжского уезда, арестован в 1882 году за самовольное открытие религиозного училища и за сопротивление требованиям властей закрыть

означенное училище. Уже в камере мирового судьи было решено, что налицо все признаки душевной болезни, вследствие чего он и был направлен в Казансскую лечебницу для испытания.

Во время допроса заявил, что он - садовник Императорского сада, что звание его - природный старовер. Иначе говоря - старинного обычая мусульманин. Лицо, известное всем народам мира. Поверенный ислама, потерпевший убытки, страдающий за захват Божьего полка определенный дистаночный начальник. Сотрудник всему миру. Природный духовный вероисповедник, светлый умом своим. Вернонаданный монарх и лично известный Его Императорскому Величеству. Природный духовный отец веры мусульманской, религии ханафей-казанской, секты суннитской.

Ординатор Михаил Маевский просит Ваисова написать письменное объяснение тому, что им заявлено в столь малопонятной форме.

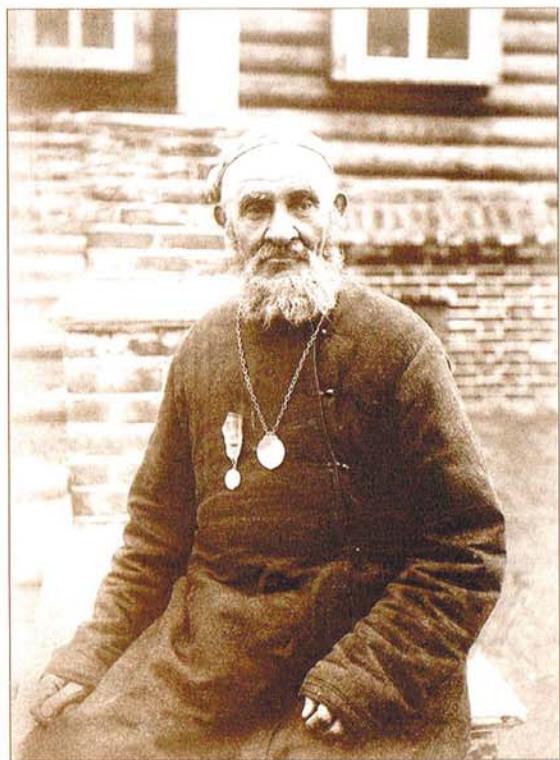
Ваисов с удовольствием соглашается и пишет на двух листах убористого почерка пояснение. В нем утверждает, что окружной суд продал с аукционного торга его сочинения и просит этот суд выдать ему справку, на каком основании продали его книги, а ему самому грозили тюрьмой и Сибирию. Он также письменно обвиняет казанских татар в ненависти к нему и в намерении его погубить. И прочая, и прочая...

Несмотря на заключение о несомненных признаках душевной болезни, Казанское губернское правление признает его душевно здоровым. Ваисов выходит на свободу. Но через месяц он вновь привлечен к суду. Его теперь обвиняют в истязании трех крестьянских мальчиков и лишение их свободы. На допросе у судебного следователя Ваисов заявляет: «Мальчики хотели отравить меня мышьяком!»

Опять те же идеи величия, снова Ваисов направлен в Казанскую лечебницу.

Здесь обнаруживается уже нечто новое. Ваисов, между прочим, заявляет, что он не признает себя крестьянином, так как на нем нет креста и он не мужик, а человек духовный, который должен делать Божье дело. Его просят дать объяснение письменно. Он соглашается, но просит дать побольше бумаги и пишет несколько прошений в различные инстанции. Они наполнены руганью и выражением ненависти к властям и соплеменникам.

Число этих бумаг, помеченных исходящими из канцелярии Ваисова, вскоре превышает сотню. Все

Сельский староста-мусульманин. Фото 1890-х гг.

они скреплены именной печатью, на которой вырезано звание и титул Ваисова - «Дардемаид, дервиш, Багаутдин Хамзин В. Альбумари».

Бумаги имеют заголовок: «От Императорского молитвенного здания Мантуб Гирфан, канцелярии меня, всего мира духовного отца, природного духовного лица, сотрудника всего мира сего, Божьего полка определенной дистанции начальника, который повелевающим указом Бога-Царя самого этого Божьего полка, дардеманд дервиши Булгары-Ибн дервиши Хамза В.». Иногда он говорит о себе, что он заместитель халифа накибандийско-муджадидийского шейха Джрафара ал-Кулатки, который через своего учителя Абд ал-Халика ал-Булгари и Вали Мухаммадшана продолжает силу - духовную цепь преемственности от знаменитого кабульского шейха Файд-хана ал-Кабули.

Ординатор Маевский по-прежнему его наблюдает, делает заметки. Особо отмечает - «отрицание властей у него полное, единственной властью для своих последователей он ставит Бога, Царя и самого себя. Свидетельство, данное им, считает вполне достаточным для проживания во всех концах мира».

Власти обеспокоены. Но почему так много внимания этому странному человеку?

Это вполне обосновано. У него сотни последователей и влияние его идей все более распространяется. Некоторые из медиков говорят теперь об эпидемии сумасшествия. В принципе понятно и то, как эта эпидемия развивается. Приведем отрывок из записей Маевского.

«Подметив в народе всякие пороки, Ваисов выступал с обличительным словом как против не соблюдающих святых правил Корана, так и против мулл и муфтия. Скоро собралась вокруг Ваисова кучка людей, жаждущих нового слова, напечатавших руководителя своим неясным мистическим стремлением.

Он основывает общество мусульман-староверов, повинующихся одним только велениям Корана. С этих пор в жизни Ваисова и его учения происходит важная перемена. Он замечен своими противниками... В муллах он возбуждает опасения, как религиозный новатор...

В религиозные распри оказались замешаны гражданские власти, к защите которых Ваисов прибегал. Власти ему не помогли, и он начинает подозревать, что начальство стоит на стороне мулл; муллы, по его мнению, поборники неправды и нарушители правил

Корана, данных Богом; стало быть, власти виноваты в том же самом, в чем он обвинял духовенство...

По мнению Ваисова, муллы и муфтий нарушают волю Бога, а гражданские власти - волю Царя, которому служат. Он стал утверждать, что начальники изменили Царю и народу...

В виду постоянной измены и неправды, которые Ваисов видит вокруг, он ставит себе целью охранять общество и особу Государя во имя Божьего закона. Он сочиняет молитвы за Царя, которые могут охранить Его от бед и измены. Свою общину он называет Божиим полком, в котором сам состоит предводителем, «начальником дистанции» и воином, которому по гроб нет отставки...

Для образования членов полка он основывает учебное заведение, в котором преподавалась священная наука «Гирфан». Между тем идеи о своей высшей власти, высшем назначении и, наконец, о несправедливых преследованиях начинают прогрессировать...

Все несчастья, которые испытывал Ваисов, только утверждают его в своей правоте. Видимо, он остро чувствует свое высокое назначение и всецело отдается мистическим грезам. Врачи отмечают у него галлюцинации зрения и слуха. Так, перед ним появлялся белый старик, неизвестно как попавший в комнату, одним движением головы он освобождал Ваисова из лечебницы...

Его последователи ведут себя в духе своего учителя. Вот отрывок из докладной записки в Казанское губернскоеправление. «...Шестеро татар, арестованных в 1885 году вместе с Ваисовым за вооруженное сопротивление при описи дома Ваисова на следствии показали, что сопротивлялись они «по закону и в силу закона, по повелению Бога-Царя и по приказанию духовного отца Ваисова», что они защищали «молитвенный дом отца Ваисова, шли на защиту единодушно, так как у них одно тело и одна душа, что делает один, то делают и все».

И в суде последователи Ваисова ведут себя соответствующим образом. Они отказываются от защитника, утверждая, что защитник у них один - духовный отец Ваисов, а обвинительный акт отказываются принять потому, что названы в нем крестьянами, а не староверами-мусульманами. Своего учителя они называют великим дервишем-праведником и мучеником...

Можно, конечно, сказать так - в лице Ваисова, отрицающего муфтия и указных мулл, друг другу противостоят лица официальные и выходцы из на-

родной гущи. Это будет правильно. Но можно и так - противостоят друг другу два сознания, устойчивое и кризисное.

С древности в мусульманском мире на одной стороне стоят книжники-uleмы, которые не только усваивают ценности прошлого, но и тонко чувствуют потребности сегодняшнего дня, а на другой - отшельники, юродивые, суфии, занятые поисками самих себя - они становятся как бы носителями кризиса, разрушения и смены форм. Свое место в государстве и народе ищут и те, и другие.

Народная вера в мусульманской общине конца XIX столетия еще не разрушена наукой. Народ еще уважает правдоискателей, прислушивается к словам и с той, и с другой стороны. Сама образованность более целостна и гармонична, знание о жизни еще не разбито на тысячи специальных наук, а право на чудчество в поведении и мыслях рассматривается как особенность, сопутствующая большинству учености.

Ваисов называет себя «сардар» - полководец, а своих сторонников - «фир-ка-ий наджийа» - спасающаяся община, утверждая, что тот, кто не присягнул сардару, перестает быть мусульманином и лишается спасения.

Многое в его поведении напоминает юродивых, которых православные считали за святых. Даже в его фамилии, выбранной им самим, был намек на сподвижника пророка Мухаммада, Уайса ал-Карани, который имел все черты юродивого.

Суфий, проповедник, поэт, он именовался Ваисовым, Вайсовым, Вайси, Вайс-заде, а также Баха ад-дин ал-Булгари - последнее подчеркивало традицию, идущую от его знаменитого предшественника, противника и критика власти муфтия и указных мулл Абд ар-Рахмана ал-Булгари. Чрезвычайное положение конца света, носителем и выразителем которого он явился, выражалось, в частности, и в том, что в своих многочисленных поэмах он отказался от норм рифмы и метрики.

Но не только странность поведения Ваисова заставляет внимания, в его лице и в лице его учителя шейха Джагфара аль-Кулагты мы видим, как российский мусульманский мир стремится нащупать пути вхождения в государство, сотрудничества с ним. Станным случаем Ваисова кажется не только по форме, но и по самому существу. Очень непросто для искателей истины исходить из единодушия с властью, результатом обычно становилось непонимание

народа, к которому Ваисов и его учитель обращались в своих проповедях.

Ваисов рассказывал в своем трактате «Путь ходжей», о том, как его учитель Джагфар постоянно входил в конфликт с мусульманскими шейхами тариката Халидийа, традиционно выступавшими против власти. Например, Джагфар резко критиковал дагестанского имама Шамиля за то, что тот организовал вооруженное сопротивление правительстенным войскам на Северном Кавказе и в своих проповедях обличал тех, кто почитает Шамиля как святого и каждый раз при упоминании его имени выносит хвалебную формулу. Джагфар говорил, что действия имама Шамиля вводят народ в заблуждение, а чтобы открыть людям подлинное лицо Шамиля, он даже лично ездил в Дагестан, где ему сказали определенно - ты рискуешь жизнью. Несмотря на это, Джагфар продолжил свое путешествие по Кавказу, читая проповеди против Шамиля.

Объяснение найти было бы легко, если бы дело шло об околоточных надзирателях, а не о суфийских шейхах. Это была последовательная продуманная позиция. Как ее объяснить?

Видимо, связана она была прежде всего с особым восприятием императора, как законного наследника Древней Булгарии. Ваисов императора так и называет - «правитель булгарской земли в наше время». К нему Ваисов обращается как подданный Булгара к правителю Булгара. Не случайно поэтому, что из всех государственных налогов и поштатей ваисовцы признавали только налог на землю в размере восьми копеек с десятины, поскольку он был введен царем Иоанном Грозным при покорении Булгарии. «Так как мы считаем себя потомками булгар, - говорил Ваисов, - мы и должны вносить этот налог».

Из этого становится понятно, почему Ваисов, называя себя истинным мусульманином, оправдывал войну против единоверцев-мусульман Северного Кавказа. Возможно, подобным образом он предлагал императору свои услуги, так как свое произведение «Тарик-и ходжаган» он заканчивает длинными славословиями в адрес императора и императорской семьи, а в самом конце подчеркивает, что является преемником покойного Джагфара, а значит законным представителем духовной цепи братства Накшбандийя.

Он пишет, что в 1873 году уже предлагал императору свои услуги в виде особых молитв за силу русского оружия, и подчеркивает - если правительство

откажется от его предложений, то, по его убеждению, это будет большой ошибкой, так как положительное влияние молитв на успех человеческих поступков давно доказано. Именно в этом смысле он называет членов своей общины «солдатами молитвы».

Ваисов предлагает самого себя и свою общину в качестве пропагандистов государственных идей: «Особенно, когда найдется какое-нибудь только что покорившееся общество, мы можем читать наше благословение на их собраниях. Если после завершения нашей молитвы они скажут «аминь», то это уже служит нам призом и еще более увеличивает наше желание работать на этом принципе». Именно с помощью особых молитв Ваисов предлагает привести мусульманское население Северного Кавказа к повиновению российскому императору.

Ваисов был, несомненно, очень ярким проповедником духовной линии Накибандийя, но, выступая в защиту императора от муфтия и указных мулл, он, не понимая того, стремился к уничтожению Духовного собрания и того мусульманского духовенства, которое было создано именно императорской властью. Для мусульман Поволжья и Южного Урала ваисовский Божий полк стал, по

сути, кульминацией того движения против муфтия и указных мулл, которое было начато еще ал-Булгари и Оруви.

Хочется рассказать старую суfiйскую притчу, которая, если вдуматься, имеет прямое отношение и к Ваисова, и его Божьему полку.

...Жила-была однажды корова. Она старалась дать людям побольше молока, ела много травы, чтобы молоко было пожирнее. Люди стекались со всех сторон, чтобы посмотреть на эту чудесную корову. Отцы приводили ее в пример своим детям - ведь она была чрезвычайно предана своему делу.

Появившиеся у этой коровы последователи призывали людей по-своему превзойти ее, приводили ее как образец правильного поведения, планирования и мышления, которые могут быть воспроизведены в человеческом обществе. Казалось, каждый способен получить пользу для себя от существования этого чудесного животного.

Была, однако, одна черта, которую большинство людей не замечали, как бы ни были они увлечены очевидными достоинствами коровы. У этой коровы была одна маленькая привычка. Она состояла в том, что как только подойник наполнялся молоком, корова лягала его и переворачивала.

Глава X

У ЗЕМНЫХ ПЕРЕПРАВ, ПРЕД НЕБЕСНОЙ ДОРОГОЙ

Муфтий Мухамедъяр Султанов, джадидисты и кадимисты. - Поэтический поединок в Духовном собрании. - Организация хаджа в Мекку. - Исламское духовенство на рубеже веков. - Первая русская революция и идеи религиозной автономии в составе России. - По архивам департаментов полиции и духовных дел иностранных исповеданий.

1.

Хамза взбодрил печь, огонь отозвался гулко. Зайдя в кабинет, муфтий Мухамедъяр Султанов прежде прилеплял ладони к печи, прогревая суставы. Уж после садился за конторку, за вчерашние письма, за сегодняшние газеты, за завтрашнюю проповедь-хутбу.

Кабинетные часы стучали. К их метроному прислушивались толстые книжные тома. Огонь в печи негодовал, яростный. Чернила тихо сохли.

...Он стал пятым муфтием Духовного собрания, утвержденным в этой должности указом императора Александра III.

Смерть Салимгарея Тевкелева поставила вопрос о выборе очередного председателя Духовного собрания. Деловая переписка того времени свидетельствует о том значении, которое государственная власть придает этой должности. Приведем отрывок из докладной записки статского советника Ибрагимова, направленной в правительство 10 мая 1885 года.